

- хиальные ведомости. – 1912. – № 43 (неофициальный отдел). – С. 796–800, № 44 (неофициальный отдел). – С. 821–838, № 45 (неофициальный отдел). – С. 851–867, № 46 (неофициальный отдел). – С. 877–894, № 47 (неофициальный отдел). – С. 902–920, № 48 (неофициальный отдел). – С. 930–949, № 49 (неофициальный отдел). – С. 955–969.
3. Протоиерей Матюшенский. Режицкое Константиновское церковное братство (Из истории братства Полоцкой епархии) / Матюшенский // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1912. – № 35 (неофициальный отдел). – С. 613–616, № 51 (неофициальный отдел). – С. 997–1000.
  4. Шульга, Д. Православные братства в Беларуси с 1864 по 1917 годы / Д. Шульга // Минские епархиальные ведомости. – 2005. – № 4 (75). – С. 54–57.
  5. Тогулева, Е.Д. Церковно-приходские школы и школы грамоты в Витебской губернии во второй половине XIX – начале XX в. / Е.Д. Тогулева, Н.С. Моторова // Вестник Витебского государственного университета. – 2005. – № 3. – С. 35–38.
  6. Шейкин, Г.Н. Полоцкая епархия. Историко-статистическое обозрение / Г.Н. Шейкин. – Минск: Свято-Петро-Павловский собор. Белорусское православное братство трех Виленских мучеников, 1997. – 95 с.
  7. Хмяльніцкая, Л. Віцебскі царкоўна-археалагічны музей / Л. Хмяльніцкая // 3 глыбі вякоў. Наш край: Гістарычна-культуралагічны зборнік. – Мн: Беларуская навука, 1997. – Вып. 2. – С. 4–15.
  8. Грабянчук, І.В. Узнікненне і дзейнасць публічных музеяў у Беларусі (1851–1917 гг.): Дыс... канд. гіст. навук: 07.00.02 / І.В. Грабянчук. – Мінск, 2005. – 131 с.
  9. Гужалоўскі, А.А. 3 гісторыі музейнай справы на Беларусі / А.А. Гужалоўскі // Музейная шчыткі. Беларускі музей. Гісторыя. Хроніка. Сучаснасць: Навук.-метад. зб. – Вып. 4. – Мінск: БелГП, 1998. – С. 15–51;
  10. Гужалоўскі, А.А. Нараджэнне беларускага музея / А.А. Гужалоўскі. – Мінск: Нац. архіў РБ, 2001. – 106 с.
  11. Указ из Св. Синода // Литовские епархиальные ведомости. – 1864. – № 18. – С. 649–655.
  12. Русский. Вести из Полоцка / Русский // День. – 1864. – 30 мая. – С. 16–18.
  13. Из Витебска: Мысль об учреждении общества святой Евфросинии, княжны Полоцкой, в Северо-Западном крае России // День. – 1864. – 8 марта. – С. 16–17.
  14. Литовский государственный исторический архив. – Фонд 378. – Оп. 73 (1865 г., общий отдел). – Д. 1605 (Дело об учреждении в г. Витебске Спасо-Евфросиниевского братства, 7.05. – 11.10.1865 г.).
  15. Литовский государственный исторический архив. – Фонд 378. – Оп. 71 (1863 г., общий отдел). – Д. 1366 (Дело об учреждении в г. Вильно частного общества под названием Западно-русское братство, 15.05.1863 – 9.11.1864 гг.).
  16. Правила о церковно-приходских школах // Могилевские епархиальные ведомости. – 1884. – № 22. – С. 157–161.
  17. Папков, А.А. Церковные братства. Краткий статистический очерк о положении церковных братств к началу 1893 года / А.А. Папков. – Санкт-Петербург: синодальная типография, 1893. – 146 с.
  18. Журналы епархиального съезда духовенства Полоцкой епархии 1908 г. // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1909. – № 6 (официальный отдел). – С. 67–97.
  19. Указ Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского, из Святейшего Правительствующего Синода, Преосвященному Серафиму, Епископу Полоцкому и Витебскому. О мерах к ограждению православных от совращения в латинство и о восстановлении древних братств // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1909. – № 23 (официальный отдел). – С. 259–260.
  20. Идеиный братчик. Братская вечеря / Идеиный братчик // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1909. – № 39 (неофициальный отдел). – С. 737–750.
  21. Отчет о состоянии и деятельности Витебского епархиального Св.-Владимирского братства за 1910 год (XXIII год существования) // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1912. – № 5 (официальный отдел). – С. 60–99.
  22. Устав Спасо-Евфросиниевского Училищного Братства // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1910. – № 33 (официальный отдел). – С. 351–355.
  23. Журналы Полоцкого епархиального съезда духовенства // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1912. – № 23 (официальный отдел). – С. 294–302, № 24 (официальный отдел). – С. 321–332.

Материал поступил в редакцию 10.10.09

VOSOVICH S. Orthodox brotherhoods of Polotsk eparchy in 1861–1914

The article is devoted to the history of brotherhood movement on the territory of Vitebsk province in 1861–1914. The author comes to the conclusion that the opening of parish trusteeships occurring everywhere hindered the creation of brotherhoods. Are singled out the following types of brotherhood organizations functioning in Vitebsk province: eparchial, district, school types. Is pointed out the specificity of the St. Vladimir Eparchial brotherhood. Apart from religious tasks the brotherhoods of Polotsk eparchy at the beginning of the XX-th century began to turn their attention to the formation of economic organizations of mutual assistance.

УДК 321.01

Данилов Ю.Д.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ БЕЛАРУСИ

Введение. Статья посвящена проблемам научного исследования феномена политической идентификации гражданского общества в Беларуси. Рассматриваются аспекты и особенности собственной аутентичной идентификации белорусского социума и их проявление в современной социально-политической ситуации.

Глобализация резко обострила вопросы национально-культурной и политической идентичности, которые сегодня превратились в одну из важнейших проблем, тревожащих не только культурологов, но и политиков, общественных и религиозных деятелей. О её значимости можно судить, по словам видного польского исследо-

вателя, одного из основоположников **альтерглобализма** Зигмунда Баумана, который писал, что «...впечатляющее возрастание интереса к обсуждению идентичности может сказать больше о нынешнем состоянии человеческого общества, чем известные концептуальные и аналитические результаты его осмысления» [1, 176–177].

Этническая принадлежность, которая, как известно, обнаруживается в сознании людей, не есть продукт самого сознания – нельзя сознательно, по договоренности, объединиться в этнос. Также нельзя по договоренности сменить национальную (этническую) принадлежность, как меняют гражданство или подданство. Очевидно, что

Данилов Юрий Дмитриевич, ст. преподаватель кафедры социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета.

Беларусь, БрГТУ, 224017, ул. Московская, 267.

этническая принадлежность отражает гораздо более глубокую стору природы человека, внешнюю по отношению к сознанию или психологии, и, тем более, политике.

Совсем иное дело обстоит с политической идентификацией. Активно идущий процесс глобализации, вопреки представлениям многих авторов, не снимает проблемы идентичности, а, наоборот, обостряет ее. И это как раз отражается в динамичной дискуссии по проблемам идентичности, которая развернулась в научных, политических, социально-культурных кругах Запада. Казалось бы, в белорусском обществе также должна идти активная дискуссия по вопросам политической идентификации, однако здесь мы обнаруживаем определенный парадокс массового сознания белорусского гражданского общества. В общих чертах содержание его можно отразить в следующем.

Начавшаяся глобализация сделала идентичность основным дискурсом, как науки, так и повседневной жизни. Во-первых, потому, что многие общества, народы и индивиды, в силу разных причин, испытывают кризис идентичности. Во-вторых, потому, что политическая идентичность меняется в ходе глобализации и влияния внешних факторов, а потому требует устойчивого мониторинга со стороны политических элит, ученых и гражданского общества в целом. В-третьих, потому, что сама по себе политическая идентичность достаточно изменчива по своей внутренней природе и определяется целым рядом объективных, а, главное, субъективных и утилитарных факторов.

В это же время, в белорусском обществе наблюдается совершенно низкий уровень контента в публичной сфере по данной проблеме. Одной из причин представляется то, что в Беларуси в течение полутора десятков лет сохранялся достаточно простой и предсказуемый политический и экономический режим. Есть сильное патерналистское государство, которое достаточно эффективно использует внешнюю политику для поддержания внутренней стабильности. Есть карикатурная и беззубая оппозиция, неспособная разобратся в своих собственных политических приоритетах. И в этом смысле, нет необходимости поиска творческого, эффективного решения проблем, тлеющих внутри гражданского общества, в том числе и проблем идентификационного процесса. Сложность проблемы также в том, что критерии оценок потенциальных новшеств остаются неизвестными, не только в силу множества субъективных предпочтений, ситуаций и контекстов, но и в силу нашей неспособности (или нежелания) увидеть процессуальную сторону действительности. Белорусская политическая аналитика не отражает в должной мере диалектику процесса сдвигов в идентификационном поле: варианты взаимодействия сторон политического процесса, варианты их трансформации, варианты их взаимного сочетания и подтверждения и т.п. Создается ситуация, когда мы сами, по своей собственной инициативе, безосновательно дистанцируемся от активного участия в жизненно важном для всего общества дискурсе. Что же касается независимой политической аналитики и экспертизы, то у нее нет внутренних заказчиков, а внешние заказчики не слишком щепетильны к ее результатам. В итоге, уровень качества политического и исторического анализа падает. Возможно, само такое отношение элит, научных кругов к проблеме политической идентификации и является особенностью внутреннего кризиса идентичности в белорусском гражданском обществе. Поэтому сейчас как никогда актуальны научные подходы к изучению, анализу и оценке тех проявлений кризиса политической идентичности, которые сложились на всем постсоветском пространстве в целом, и в Беларуси в частности.

Чтобы сохранить способность к самовоспроизводству, всякое общество должно очертить свою идентичность, поскольку осознание гражданской общности и единства становится основой решения политических задач. Неопределенность относительно собственной идентичности порождает наиболее сильные напряжения в структуре как индивидуального, так и коллективного сознания.

В самом общем виде кризис политической идентичности можно определить как несоответствие критериев самотождественности и самоидентификации индивидов и социальных групп социально-политическому порядку, распад представлений о том, чем являются люди и страны. Кризис идентичности, как правило, наступает тогда, когда распад идеалов и ценностей, лежавших в основе ранее домини-

ровавшей политической культуры, заставляет людей искать новые ориентиры для осознания своего места в обществе и своих связей с государством. Осознавая значимость сохранившихся или новых идей, человек определяет и свои возможности политического участия в изменившемся государстве, использования механизмов власти для защиты своих личных ценностей и интересов. Особо остро эти проблемы встают перед людьми в связи с пониманием ими своей общности с большими, макросоциальными группами – классами, народами, государствами, которые претерпевают в этот период наиболее существенные изменения. Негативную окраску идентичности приобретает у граждан, усматривающих в новых формах социальной и политической организации жизни не дополнительные возможности для личного существования, а «обман» государством населения, невыполнение им своих обязательств. В то же время, позитивное отношение формируется к формам организации жизни в обществах с высокими показателями социального и материального комфорта, даже если граждане не совсем адекватно представляют как, и какой ценой, этот комфорт достигается. Осознание несовершенства своей страны нередко стимулирует чувство социальной замкнутости, склонность к радикализму, усиливает недоверие к государству и предлагаемым им проектам развития. Эти эмоции препятствуют развитию рационально-утилитарных взглядов на положение человека в обществе, на характер самого общества и государства.

В таких условиях политическое самосознание способно принимать разнообразные формы: от политического нигилизма и абсентеизма до активного роста потребности в освоении культурных ценностей этноса, вплоть до национализма в крайних формах и отрицания равных прав других социальных групп в данном государстве. При этом очевидным становится слияние кризиса идентичности с кризисом обеспечения материальными благами. Объем и качество потребляемых благ – один из ключевых факторов, от которого зависят поддержка или отрицание населением не только проводимых реформ, но и политических режимов, осуществляющих эти реформы. Далеко не всегда власти способны обеспечить населению постоянный и устойчивый рост материального благосостояния, причем в приемлемых для людей формах стимулирования и распределения. Поэтому элиты, прежде всего правящие, часто сталкиваются с протестом населения, вызванным изменением стандартов и способов потребления, а также ростом социальных ожиданий граждан от предложенных новых методов хозяйствования, развития отношений с другими странами и т.д. Властям приходится сталкиваться с позициями тех слоев, которые возможно отнести к следующим группам:

- те, кто положительно относится к прежним принципам социального контракта с государством, но считает привлекательными для себя и новые стандарты потребления;
- те, кто положительно оценивает прежние принципы распределения и отрицательно – новые;
- и те, кто отрицательно относится к ранее доминировавшим нормам и способам получения продукта и положительно воспринимает новые принципы получения материальных и культурных благ.

При этом носители разных социальных пристрастий сорентированы на различные модели взаимоотношений с государством. Первые выступают за централизованные пути распределения благ, социальную помощь государства и другие методы, по сути лишаящие смысла структурные экономические преобразования. Сторонники второй точки зрения, испытывая симпатии к централизованному распределению благ, активно выступают против рыночных стратегий, мешая укоренению новых принципов. Представители третьей группы могут выступать за распределение материальных и духовных благ в зависимости от интенсивности индивидуального труда как основы добывания необходимых жизненных средств. Объединяющим свойством для всех этих групп выступает то, что все они нередко переоценивают роль правящих элит, точнее, – их способность быстро и решительно «повернуть» уровень жизни и направление развития в любую сторону. Столь же поверхностны и иллюзорны их надежды на иностранную помощь, даже в виде пресловутого «ценного опыта», отодвигающую на неопределенное время перестройку отечественной инфраструктуры. Еще более губительна их

уверенность в возможности быстрого изменения стереотипов и предрассудков населения, касающихся социальных отношений с государством. Необходимость поиска новой связи с иными социальными и политическими группами и системами вынуждает людей пересматривать отношение к традициям, прошлому опыту, символам государственности, господствовавшей идеологии.

Важно учитывать и факторы исторического характера, как способствующие консолидации общества, так и деструктурирующие этнос в отношении его политической идентификации.

Одна из принципиальных черт белорусской истории – регулярно проходившие в регионе опустошительные войны – как правило, были формой столкновения на территории Беларуси больших, внешних по отношению к самой Беларуси военных сил и государственно-политических образований. Государство, в состав которого в момент начала войны входила территория современной Беларуси, обычно не имело сил сразу же остановить вторжение. Опустошение в регион всегда приходило извне и продолжалось до тех пор, пока не выдыхалось. Такими четко фиксируемыми разрушительными периодами в истории Беларуси можно определить: Ливонскую войну 1558–1582 гг., войн 1648–1651 гг. и 1654–1667 гг., Северную войну 1700–1721 гг. и предшествовавшие ей внутренние войны в Речи Посполитой, вторжение войск Наполеона в Российскую империю, Первую мировую войну 1914–1918 гг. и последовавшую гражданскую войну на руинах Российской империи, советско-польскую войну 1919–1920 гг. и последовавший раздел белорусских земель. Вторую мировую войну 1939–1945 гг., распад СССР и его социально-политические и экономические последствия. Не случайным, в связи с этим является то, что формирование белорусов как современной нации развернулось преимущественно только в XIX столетии. Развитие ее сопровождалось подавлением остатков культурных групп, связанных с существованием Речи Посполитой, Польши, позднее – Российской империи. При этом практически всегда, после очередного опустошения, политическая самоидентификация белорусского общества резко менялась. А вместе с ней обычно изменялись политическая культура и историческое самосознание.

Ряд выдающихся отечественных мыслителей были озабочены подобными проблемами еще около 90 лет тому назад. Например, И.В. Канчевский-Абдзиралович отмечал, что Беларусь на протяжении всей своей истории была ареной борьбы двух направлений (типов) европейской культуры – западного и восточного. В результате этой перманентной борьбы возникло и оформилось **специфическое белорусское национальное мировоззрение** – «...колебание между Востоком и Западом и искренняя неприязнь к тому и к другому являются основной чертой истории белорусского народа» [2]. Отмечая привлекательные для белорусов качества человека Востока – простоту, искренность, доброту, соответствие внешности внутренней сущности, и Запада – более глубокую объективность, способность к компромиссам, терпимость к чужому мнению, Канчевский раскрыл причину, почему в итоге белорусский народ не делает окончательного выбора между европейскими культурами Запада и Востока. Это сопровождающее всю его историю «...насилие над нашими душами», которое осуществлялось в разных формах: «Восток сразу захватывает много, Запад – по своей деликатности – меньше. Зато Запад – великий человек на малые дела, и его способности сильно отдаются на белорусской шее». [2]. Не соглашаясь со сложившимся мнением о неспособности белорусов выразить свой культурный идеал – поскольку они остаются в ситуации социокультурного выбора между мессианскими культурами Востока и Запада, – Канчевский говорил о необходимости внутреннего культурного самоопределения и создания **своих, национальных форм культурной жизни**. В то же время он предостерегал и от возможности появления собственного, белорусского мессианизма – «...как бы найденные формы новой белорусской жизни не стали для нас самих великой тюрьмой и издевательством» [2]. В этом плане наибольшую опасность, по его мнению, представляет характерная и для Востока, и для Запада застывшая «форма жизни» – уклад, нормативная и нерушимая модель социального и духовного бытия, сложившаяся в результате человеческой деятельности. Национальная мобилизация в этом случае предполагает, прежде всего, то, что люди вырываются из замкнутости частной жизни и выходят в публичный мир

автономной гражданской активности, т.е. интенсивной модернизации гражданского общества на основе стабилизации процессов политической идентификации.

Этот вопрос и в новейшей истории Беларуси вызывал горячие споры, из разных ответов на него участники дискуссий делали политические выводы, в том числе, и весьма радикальные. Белорусы весьма туманно представляют свою этническую идентичность. Согласно опросу НИСЭПИ (Литва) распределение ответов на вопрос: «Что такое для Вас белорусская нация?» выглядит следующим образом:

Таблица 1 [3]

Вариант ответа	%
Все граждане Беларуси, независимо от этнической принадлежности, языка, которым они пользуются в общении, национальных традиций, которые они соблюдают	38.2
Все этнические белорусы, независимо от места их проживания и гражданства	26.8
Все граждане Беларуси, говорящие по-белорусски, соблюдающие белорусские традиции и воспитывающие на них своих детей	25.6
З/О/НО	9.4

Как видим, до сих пор ни одна из концепций нации не имеет в белорусском обществе абсолютного большинства, хотя относительное большинство собирает определение гражданской нации, которое лежит в основе научного использования в странах Европейского Союза. Очевидно, что неопределенность и дискуссия по этим вопросам продолжится, особенно если учесть, что до сегодняшнего дня ещё не создана последовательная научная концепция формирования белорусской нации и не существует общепринятых «истин» в интерпретациях белорусской нации и этноса [4, 167].

Тем более сложным представляется процесс политической идентификации, генетически впитавший в себя особый исторический опыт и не имеющую четких идентификационных оснований политическую культуру.

В ходе войн и иных деструктивных политических процессов, имевших место на белорусских землях, особо сильному воздействию подвергался именно политический класс. Вплоть до 1917-1918 годов в Беларуси не было существенных предпосылок для формирования зрелого гражданского общества, важнейшим признаком которого выступает осознание необходимости государственно-политического оформления существования нации. Политическая и культурная традиция в период между войнами никогда не успевала приобрести окончательную устойчивость и несколько раз резко прерывалась. В ходе очередной войны, которую вели между собой крупные внешние силы на территории Беларуси, политический класс, правивший на этой территории до войны, чаще всего погибал или очень резко ослаблялся. Вместе с ним обычно погибала или маргинализировалась и довоенная политическая культура с ее идентификационными приоритетами. Победители, как правило, были ориентированы на новую систему культурных и международных политических отношений. Таким образом, на территории нынешней Беларуси на протяжении всей истории наблюдался процесс политической идентификации с преимущественно мультипликативными свойствами. А неспособность противостоять мощным внешним угрозам, опираясь на собственный потенциал, в свою очередь, сделала востребованными в Беларуси такие формы политической активности, которые вовлекают в обеспечение своих интересов крупные внешние силы даже вопреки как собственным, так и их желаниям. У белорусов не раз могло быть уничтожено всё или почти всё этническое, а иногда, как, например, во время нацистской оккупации, речь шла о возможности физического уничтожения или прямого порабощения белорусов. Белорусская идентичность исторически неизбежно вбирала в себя осознание возможности гибели и давала на него рациональный ответ – белорусы вынуждены жить рынками и расчетом, а их идентичность, в отличие от иных, являлась, в основе своей, рациональной формой приспособления к окружающей политической действительности.

В нынешнем кризисе политической идентичности белорусского общества можно четко выделить некоторые сценарии, которые, с одной стороны, являются проявлением самого этого кризиса, а с другой – выступают как особенности процесса политической идентификации в белорусском гражданском обществе:

- на смену разрушенным моделям идентификации не приходят новые, навязываемые и пропагандируемые извне (отсутствуют «идеальные» модели для подражания) или входят в массовое сознание с большими отклонениями от образца и слишком медленно.

В этом контексте интересны данные об отношении белорусов к финансово-экономическому кризису, разразившемуся в 2008 году. В декабре прошлого года респондентам впервые предложили ответить на вопрос: «Считаете ли Вы, что в Беларуси начался экономический кризис?» Утвердительно тогда ответили 64,3 %. Через три месяца в марте доля утвердительных ответов составила уже 81,8 %. Казалось бы, к лету в стране уже не должно было остаться граждан, не признающих наличие экономического кризиса, однако подобная, на первый взгляд совершенно естественная реакция в ходе июньского опроса не подтвердилась. В июне только 73,1 % респондентов согласились с тем, что экономический кризис в Беларуси начался. Причем, ответственность Запада за ухудшение экономической ситуации в Беларуси продолжала свой рост, хотя и ответственность местной власти, руководителей предприятий, предпринимателей, СМИ не снизилась [5]. Не в последнюю очередь именно этим механизмом перераспределения ответственности следует объяснить стабильность, и даже рост рейтинга первого лица государства, с деятельностью которого белорусы связывают перспективы выхода из кризиса в первую очередь. Это свидетельствует и о том, что прежде, институциональное наследие в Беларуси во многом сохранено и продолжает пользоваться поддержкой значительной части общества, а, значит, за годы независимости не возникло такой модели институциональной перестройки, которая могла бы эффективно выполнить функцию мощного национального интегратора и фактора политической идентификации. Более того, отсутствие значимых перемен на политическом пространстве страны и особенности собственной аутентичной идентификации белорусского социума, с удивительной неизбежностью привели к состоянию, которое некоторые аналитики именуют «стокгольмским синдромом»² [6]. К этому прибавляется патриотизм жителей маленькой, но гордой страны. Мощным катализатором такой концептуальной модели, безусловно, вопреки своим желаниям, стала и группа деятелей, гордо именующих себя оппозицией, которая странным образом трансформировала свои приоритеты от демократических в монархические, где важнейшим является стремление не к самой власти, а к подходу к властным кабинетам.

Эта ситуация политической стабильности подействовала и на европейских политиков, среди которых вырос удельный вес тех, кто признает её вполне приемлемым свойством белорусской действительности. (Достаточно привести фразу Х. Соланы: «...к режиму власти Беларуси вопросов нет»).

- в стране имеет место рассогласование партийного и персонализированного уровней идентификаций.

Произошедшее в связи с финансово-экономическим кризисом изменение основных индексов, характеризующих состояние белорусского общества, не могло не отразиться и на доверии к государственным и общественным институтам. Год назад в первую пятерку входили: православная церковь (индекс доверия составил 0,43), независимые исследовательские центры (0,23), армия (0,22), независимые СМИ (0,14) и Президент (0,08). В марте 2009 года, на пике кризиса, новый состав первой пятерки приобрел следующий вид: православная церковь (0,40), армия (0,24), Президент (0,15), независимые исследовательские центры (0,14) и правительство (0,13). Если учесть то, что, по мнению аналитиков, православная церковь и армия выполняют в глазах белорусов

чисто символическую функцию, белорусы связывают свои надежды с позитивным решением вопросов своего благополучия, прежде всего с Президентом и Правительством страны. Причем чем острее ситуация, тем индекс доверия выше. Если с президентом в марте свои надежды связали 35,7 % респондентов, с правительством – 34,2 %, то с армией – только 2,1 % (православная церковь в качестве варианта ответа не предлагалась) [5]. А если рассмотреть крайние позиции с точки зрения роста/снижения индексов доверия, то в качестве лидеров роста в основном окажутся государственные институты, прежде всего Президент, а в качестве лидеров снижения – общественные, и прежде всего – политические партии. Такая поляризация не может быть случайной. Она подтверждает вывод, сделанный выше, что в условиях усложнения социальной ситуации в Беларуси возникает дополнительный спрос на «сильное государство». Такой спрос следует признать весьма рациональным и с точки зрения аутентичности белорусской идентификации: если нет эффективных альтернативных сил влияния, то, естественно, выбор следует делать на существующие.

- в результате политической ресоциализации в белорусском гражданском обществе происходит сочетание старых и новых политических идентичностей, не взаимоисключающих ценностные установки друг друга.

Нынешнее отношение белорусов к рынку и демократии в целом позитивно, но оно парадоксальным образом продолжает соединяться с желанием масс сохранить все ценности социализма и совместить их с рыночными ценностями.

Политическая ценность стабильности и порядка оказывается несомненным приоритетом для всех основных социальных категорий наших граждан. И в этом нет ничего странного или сильно отличающего нас от граждан других стран. Для сравнения: в России 56 % граждан указали на приоритет этой функции, на Украине – 54 %. В западноевропейских странах задача поддержания порядка силами государства также находится на первом месте, хотя число тех, кто её отметил как важнейшую, меньше: Германия – 42 %, Франция – 43 %, Италия – 32 %.

С базовой функцией поддержания социального порядка тесно связаны две другие: обеспечение граждан общественными благами и соблюдение равенства между членами общества. И теперь, в год совершеннолетия независимости, более 50 % белорусов по-прежнему выступают за государственное регулирование экономики, почти 57 % высказываются за то, чтобы государство, а не сам гражданин, заботилось о конкретном человеке, более 70 % уверены, что именно государство обязано обеспечить своих граждан в старости и дать им жилье. Для сравнения, тем не менее, заметим, что в 1990 г. таких высказываний по вышеназванным позициям было более 90 %. Очевидно не случаен тот факт, что почти 60 % граждан положительно оценивают прежнюю (советскую) политическую систему и, вместе с тем, 88 % респондентов считают, что демократическая политическая система – самая лучшая [7, 209–214]. Противоречивость ответов на вопросы о демократии позволяет сделать утверждение, что западная модель политической системы – по крайней мере, далеко не единственная, имеющая место в нынешнем массовом сознании белорусов. Возможно, эта ситуация и не изменится, по крайней мере пока коренным образом не изменятся внутренние условия развития белорусского общества и пока не уйдут с исторической и политической арены нынешние носители традиционных ценностей. Но скорее всего, **мы присутствуем при проявлении самобытности феномена политической идентификации в белорусском гражданском обществе.** Это подтверждается тем, что у большинства белорусов выработалось твёрдое убеждение в правильности выбранного руководством страны курса.

Специалисты в области социальной психологии утверждают, что наши убеждения и ожидания существенно влияют на интерпретацию событий. У большинства же белорусов за полтора десятилетия только крепло твёрдое убеждение в правильности выбранного руководством страны курса. Даже в условиях экономического кризиса индекс правильности курса с октября по март уменьшился в 2, раза, вплотную приблизившись к нулевой отметке, но так и не пересёк её, а уже в июне снова пошел вверх, умудрившись при этом превзойти докризисное значение. Существенно прибавил и индекс ожиданий. В

² Рост реального экономического и финансового благополучия дал эффект, что белорусский обыватель стал жить в своем новом гипермаркетном «Стокгольме», который радовал не только на уровне обыденного мышления, но стал значимым фактором, определяющим электоральное поведение большинства белорусов.

конце прошлого года он первым упал, иллюстрируя тем самым склонность белорусов поддаваться панике. Но уже в марте темп его падения замедлился, а в июне он и вовсе стал положительным, сигнализируя тем самым о том, что доля оптимистов, верящих в улучшение в ближайший год социально-экономической ситуации в Беларуси, превысила долю пессимистов.

Таблица 2 [8]. Динамика ответов на вопрос: "На Ваш взгляд, в целом положение вещей в нашей стране развивается в правильном направлении или в неправильном?", %

Вариант ответа	09'02	06'06	12'07	09'08	12'08	03'09	06'09
В правильном	21,3	56,9	41,2	53,4	45,3	40,0	47,9
В неправильном	49,1	31,0	39,3	30,0	34,0	34,9	33,6
ЗО/НО	29,6	12,1	19,6	16,6	20,7	25,1	18,5
ИПК	-27,8	25,9	7,9	13,4	11,3	5,1	14,4

Как известно, в условиях глобализации сохраняются территориальные и культурные границы стран, историческая память отдельных обществ, но появляется возможность работать за пределами своей страны, возрастает общность культурных стандартов, возможность стать членом объединённой системы, растёт взаимозависимость. Вместе с этими тенденциями возникает расхождение между ощущением своей национальной принадлежности и гражданства, возникает опасность политической маргинализации.

Заключение. Опыт Беларуси показывает, что корни идентичности людей при формирующемся глобальном сообществе могут обнаруживаться в истории и географии, в религии и национальных основах. Но, вместе с тем, могут возникнуть и новые пути формирования политического сознания, которые способны делать его фрагментарным. Истоки этой фрагментарности согласуются с конкретными, как правило, неожиданными решениями в области внутренней и внешней политики, при недостаточном доведении их обоснований

и мотивов до гражданского общества. Соответственно, в этом случае под политической идентичностью понимается процесс, при котором человек, гражданин, распознает себя и конструирует свое сознание исключительно на основе данного конкретного политического решения, факта, тенденции. Такая фрагментарная идентичность – локализована во времени и пространстве, т.к. «...наши зависимости сегодня полностью глобальны, а наши действия, однако, как прежде, локальны» [1, 149]. Именно поэтому, вопросы политической идентификации сегодня – не только объективный процесс трансформации политического сознания гражданского общества, а актуальная научная проблема, решение которой не может оставаться без внимания научного сообщества Беларуси.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. – М., 2002.
2. Канчевский-Абдзиралович, И.В. Извечный путь. Опыт белорусского мировоззрения / И.В. Канчевский-Абдзиралович. – Вильня, 1921, <http://www.yandex.ru/>
3. Что такое белорусская нация? <http://www.iiseps.org/bullet.html>. 2009.
4. Сакалова, М. Пра разуменне паняццяў «нацыя» і «этнас» у сучаснай айчынай гісторыяграфіі / М. Сакалова. – Гістарычны альманах. – 2002. – Т. 6. – С. 167.
5. Доверяем, но не надеемся. <http://www.iiseps.org/bullet.html>. 2009.
6. Заико, Л. Стокгольмский синдром / Л. Заико // «Наше мнение». <http://www.belaruspartisan.org/bp-forte/>
7. Титаренко, Л.Г. Политические ориентации граждан Беларуси и России: сравнительный анализ / Л.Г. Титаренко // Методология, теория и практика социологического анализа современного общества. Харьков, 2002.
8. Перечитывая Александра Блока. <http://www.iiseps.org/bullet.html>. 2009.
9. Бауман, З. Индивидуализированное общество. – М., 2002. – С. 149.

Материал поступил в редакцию 15.09.09

DANILOV J.D. Historical factors of political identification in a civil society of Belarus

The Article is devoted problems of scientific research of a phenomenon of political identification of a civil society in Belarus. Aspects and features of own authentic identification of the Belarus society and their display in a modern sociopolitical situation are considered.

УДК 308:008

Лучина В.Н.

РЕЦЕНЗИЯ

на монографию Святослава Тихоновича Кавецкого «Брестский социологический барометр». – Брест: Академия, 2005. – 88 с.

В социологической литературе есть работы, в которых дан ответ на вопрос: «Что такое социология?», а так же исследуются этапы развития социологической мысли, социологические аспекты власти, разделения общественного труда, здорового образа жизни, формирования личности, стабильного и мобильного, открытого и закрытого общества, прав человека и социальной общности и т. д. Эти вопросы актуальны и вызывают особый интерес в связи с нынешним состоянием и развитием человеческого общества в целом и отдельных его частей: цивилизаций, стран, регионов, блоков, союзов, содружеств, организаций сотрудничества и т. д. Изучение социологических вопросов отдельных внутригосударственных регионов не получило пока широкого распространения и должного специального освещения. Поэтому появление книги С.Т. Кавецкого, в которой дан социологический анализ общественной жизни в Беларуси, в частности, не может не привлечь внимания интеллектуальной элиты.

Автор поставил перед собой цель очертить общую ситуацию в науке об обществе, а также выявить и исследовать объективные причины возрастания роли социологических исследований в Беларуси. По его мнению, таковыми причинами являются следующие:

- 1) переход Беларуси на новый уровень развития, т.е. развития как суверенного государства;
- 2) сама жизнь белорусского общества неопровержимо свидетельствует о возрастании человеческого, социального фактора в дальнейшем развитии общества;
- 3) становится всё более очевидным, что без глубокого и всестороннего изучения современного белорусского общества невозможно построить и всесторонне развить в Беларуси гражданское общество (см. стр. 84).

Современное понятие социологии как науки «об общих и специфических закономерностях организации функционирования и разви-

Лучина Виктория Николаевна, ст. преподаватель кафедры социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета. Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.